
М. А. Барашев

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — НАЧАЛА XIX в.

Статья поступила
в редакцию в июле
2009 г.

На основе преимущественно мемуарных источников раскрываются этапы домашнего воспитания в русских дворянских семьях, анализируются образовательные программы и учебная литература, педагогические методы и система наказаний, состав домашних педагогов, роль родителей в обучении, специфика воспитания девочек и мальчиков.

Аннотация

Ключевые слова: русское дворянство, домашнее воспитание, домашнее обучение, гувернерство, религиозно-нравственные устои, наказания.

Под влиянием идей европейского Просвещения во второй половине XVIII в. в сознании русского дворянства прочно утвердилась нормативная модель социокультурного поведения человека благородного сословия. Именно она и обусловила исключительное единство содержания воспитания и образования отечественного дворянства той эпохи. Воспитание носило нормативный характер и было направлено не столько на раскрытие индивидуальности ребенка, сколько на формирование личности, точно соответствующей общепринятому в дворянских кругах образу «душевно и телесно здорового» человека благородного сословия [15. С. 25–26].

Идеальный образ дворянина был ярко воплощен в философских сочинениях (А. Т. Болотов, Е. Р. Дашкова, И. И. Бецкой), а также в произведениях художественной литературы (А. М. Бакунин «Осуга») и изобразительного искусства (Д. Г. Левицкий «Портрет П. А. Демидова»). В идеале дворянин — не только «человек чести»: верный, храбрый, честный и щедрый, но и «образцовый хозяин», обладающий такими качествами, как трудолюбие, скромность, бережливость и умеренность [4. С. 8–13]. Он должен был иметь обостренное чувство собственного достоинства и уважать не только людей, которые были выше его по социальному положению, но и тех, кто стоял неизмеримо ниже. Наконец, дворянину

следовало обладать обширными практическими знаниями, необходимыми как в светской жизни, так и в повседневном быте сельской усадьбы, которые обеспечат «благополучие не в посторонних и наружных вещах, а во внутренности нашей души» [5. С. 232]. Чтобы внушить ребенку высокие нравственные принципы, строгие правила поведения и передать необходимые знания, требовалось длительное и тщательное воспитание и обучение.

Рождение ребенка в многодетных, как правило, дворянских семьях было важным, но не исключительным событием. День и час его появления на свет по традиции записывали на полях Библии или в календаре, например дед М. А. Дмитриева отметил в «Христианском месяцеслове», что «1796 года мая в 23-й в пятницу, в таком-то часу пополуночи невестка Марья Александровна родила сына Михаила, и имя дано того ж дня» [9. С. 35]. По распространенному в среде русских помещиков обычаю в честь рождения ребенка в усадебном парке высаживалось «священное дерево», которое затем обносилось оградой, заходить в которую разрешалось только избранным. Поэт А. И. Одоевский посвятил своему «священному дереву» в усадьбе Новониколаевское Владимирской губернии замечательные строки:

Я помню липу; не раздельно
Я с нею жил, и листьев шум
Мне веял песней колыбельной
Всей негой первых детских дум.

Для повседневного быта дворянства была характерна традиция раздельного проживания родителей и детей, причем в архитектурно-строительных руководствах того времени специально рекомендовалось отделять спальню и кабинет отца от детской, «ибо за криком и шумом ничего делать не можно будет» [8. С. 53–54]. Как правило, в домах состоятельных помещиков под детскую отводилась угловая комната, довольно большая и светлая, но отделенная от парадной части и жилых помещений других членов семьи, чтобы дети не надоедали шумом и не мешали занимать гостей. Об этом наглядно свидетельствует сохранившийся план усадебного дома Хоненевых в селе Лухтоново Владимирской губернии, датированный началом XIX в. [3. Ф. 1179. Оп. 1. Д. 11. Л. 26 об.]. Детская — это особый мир, наполненный игрушками, детскими книжками, детской одеждой. Среди привычных для мальчиков игрушечных солдатиков, лошадок, ружей, сабель встречались и игрушки, рассчитанные на воспитание у ребенка чувства патриотизма. Например, граф М. В. Толстой вспоминал, что ему было около четырех лет, когда он уже играл «кариатурами на “Бонапарта, изверга человечества, Корсиканского кровопийцу” и пр.: такова была ненависть к Наполеону после недавнего нашествия его на Россию. Были у меня азбучные карточки с карикатурами на каждую букву: так, под буквою “В” французские солдаты ели и похваливали воронье мясо; а под буквою “З” был представлен Наполеон, ведущий на помочах сына, а впереди — бегущий заяц.

Подпись под карточкой:

“Гуляй, мой милый сын, будь истый Корсиканец:

Будь зол, как чорт; будь подл, как я, и трус, как заяц”.

На других карточках были портреты сподвижников Наполеона в таком порядке: Сульт, Талейран, Даву, Ожеро, Савари, Виктор, Ней. При складке их выходила надпись: “Стадо Свиней”. Были и другие складные карточки, в которых к туловищу Наполеона прикладывались разные головы: тигра, осла, беса и т. д. Еще помню деревянные куклы, изображающие “злодея Бонапарта” в таком же безобразно-смешном виде» [23. С. 257–258].

Родители, занятые усадебным хозяйством или светской жизнью, уделяли воспитанию детей мало внимания. В дворянских семьях родителей «боялись, любили и почитали», но во многих из них детям не хватало родительской ласки и проявлений нежной привязанности. С самого раннего детства ребенка отдавали на попечение крепостных нянек [21. С. 20] и дядек, которыми, впрочем, нередко руководила бабушка (как в семье Л. Н. Энгельгардта) или, реже, мать (как в семье А. М. Бакунина). Русская мемуаристика сохранила многочисленные свидетельства привязанности питомцев к своим наставникам: их любовь заменяла детям родительскую ласку.

Пора беззаботного детства заканчивалась для дворянских детей рано, в четыре-пять лет. Основой домашнего воспитания на этом этапе являлось формирование у ребенка религиозно-нравственных устоев. Его знакомили с системой христианских этических норм и традиций, определяющих стиль поведения дворянина, при помощи целого комплекса разных, внешне порой никак между собой не связанных требований и педагогических приемов. М. А. Дмитриев вспоминал, как, затворивши двери в комнату, мать «молилась, читая по книжке утренние молитвы. Меня ставила она тоже молиться, возле себя. По большей части она молилась со слезами, и я, несмотря на то что мне казалось довольно долго, не скучал этим, вникая в слова молитв, и с благоговением разделял с нею ее возношение души к Богу» [9. С. 38]. Молитвой начинался и заканчивался день для детей в дворянских семьях. По воскресеньям и праздникам они вместе с родителями посещали церковь.

Первыми домашними учителями дворянских детей, особенно в провинции, были сельские священники и дьячки, а также грамотные крепостные: Ф. Ф. Вигеля и М. А. Дмитриева обучили грамоте их крепостные, соответственно Александр Никитин и Сидор Иванович; Л. Н. Энгельгардта — дьячок униатской церкви; М. И. Глинку — священник Иоанн Стабровский. Они знакомили ребенка с христианскими заповедями, давали ему первые уроки общения с природой, учили началам счета и грамоты по Часослову и Псалтыри; причем каждодневное учение начиналось и заканчивалось молитвой. По воспоминаниям С. В. Скалон, «нас будили рано утром, а в зимнее время даже при свечах; дядька Петрушка с вечера приготавливал для нас длинный стол в столовой, положив каждому из нас на листе чистой бумаги книги, тетради, перья, карандаши

и пр. После длинной молитвы, при которой все мы стояли рядом, один из нас читал ее громко, мы садились на свои места и спешили приготовить уроки к тому времени, когда мать наша проснется; тогда несли ей показывать, что сделали, и если она оставалась довольна нами, то, заставив одного из нас прочесть у себя одну главу из Евангелия или из священной истории, после чего отпускала нас гулять, а впоследствии старших братьев и на охоту, которую они очень любили» [20. С. 468]. В некоторых семьях первым наставником детей становился один из родителей. «Мать моя учила писать и начала образовывать сердце мое, сколько словами, а вдвое примерами», — писала А. Е. Лабзина в своих мемуарах [12. С. 16]. М. А. Дмитриев в четыре года уже хорошо читал, а в пять лет декламировал наизусть стихи перед гостями деда.

В дворянских семьях существовала развитая система наказания за различные проступки, в том числе и за недостаточное усердие в учебе. Детей лишали сладкого или заставляли во время обеда стоять у стола, ставили на колени лицом в угол на несколько часов, закрывали в темной комнате, били деревянными лопатками или линейками по рукам, секли розгами, плетью и даже хлыстом из «подошвенной» кожи. Нередко в комнате, где проходили занятия, на стене висела плетль или в углу в ведре стояли розги как весомый аргумент в пользу прилежной учебы и хорошего поведения. Большого вреда для детской психики в таком отеческом наказании родители не видели. Наказания широко употреблялись не только родителями, но и домашними педагогами. Жестокость родителей и учителей часто навсегда отбивала желание заниматься тем или иным предметом, например, по свидетельству Л. Н. Энгельгардта, его учитель немецкого языка иезуит Кацаврик «исправно всякую неделю наказывал меня дисциплиною, для чего я получил омерзение к немецкому языку, что никогда не мог порядочно знать по-немецки и разумею, что читаю» [24. С. 18]. Иногда телесное наказание принимало характер глумления над ребенком. Телесным наказаниям подвергались и девочки. Другой широко распространенный прием заключался в том, что детей, нередко не щадя их самолюбия, стыдили в присутствии взрослых, а также старших и младших братьев и сестер. Страх и благочестие были неотъемлемыми элементами домашнего воспитания.

По мере взросления детей, с шести-семи лет, программа их обучения существенно расширялась и менялся круг наставников. Так, Л. Н. Энгельгардт вспоминал, как к нему в 10-летнем возрасте приставили «учителя, отставного поручика Петра Михайловича Брауншвейга, учить меня писать по-русски, первым четверем правилам арифметики и по-немецки, за шестьдесят рублей в год, а по-французски ходил учиться в иезуитский монастырь, к иезуиту Вольфорту» [Там же. С. 17]. Главную роль в воспитании на этом этапе играли иностранные гувернеры и педагоги. Чаще всего это были французы и швейцарцы, реже немцы и англичане. Нередко в доме богатого помещика служили сразу несколько гувернеров, причем

разных национальностей. По отзывам современников, большинство иностранцев «с честью и успешно исполняли свои обязанности, отдавшись им по призванию и неся их с полным достоинством» [18. С. 147]. К подобному отношению их побуждали не только высокая культура и чувство собственного достоинства, но и выгода. Оплачивался труд гувернеров-иностранцев высоко, например при постоянном недостатке средств и общеизвестной скупости С. Л. Пушкин платил гувернеру 150 руб. в год с прибавлением по пуду сахара и пуду кофе, десяти фунтов чая, а кроме того, еще предоставлял ему стол, квартиру, слугу и карету. Князь И. М. Долгоруков в 1787 г. нанял для своих детей за 70 руб. в год *la bonne femme* А. Ф. Варч, которая «до последнего издыхания жила в нашем доме, как ни старались во многих местах ее подманить; да и из Смольного скоро по отпуске ее за ней посылали, но все было тщетно: она никуда от нас не пошла и во все наши переезды нас сопровождала, жила с нами в Питере, в Москве, в Пензе, во Владимире; всех детей наших, а их жена родила десять, она приняла, вырастила и была для них второй матерью» [10. С. 117]. За 10–12 лет службы у состоятельного помещика педагог становился вполне обеспеченным человеком. Многие гувернеры, уезжая, получали пожизненную пенсию или, оставшись в России, должности и чины. С. В. Скалон пишет в своих воспоминаниях: «Жил у нас до смерти один старичок-француз, *m-r Asselin*, которого отец мой очень любил, поместив его в нашем бывшем детском домике <...> Много читал, занимался химией, особенно же архитектурой и постройкой храма на траве близ нашего дома» [20. С. 469]. Среди иностранцев были замечательные педагоги, бывшие настоящими друзьями и подлинными руководителями своих питомцев, например итальянский архитектор и аптекарь Петр Антонов (Пьетро Антонио?) Пучини, учивший рисованию детей знаменитой Суворочки (Н. А. Зубовой) во время ее пребывания во владимирской усадьбе Фетинино. С чувством глубокого уважения вспоминали своих гувернеров писатели и мемуаристы Ф. Ф. Вигель и М. А. Дмитриев, многие другие русские дворяне. Однако встречались среди них и люди недостойные, чья безнравственность и невежество бросали тень на всех иностранцев и делали гувернеров объектом насмешек. Замечательный образ подобного домашнего учителя — Вральмана выведен в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

Наиболее просвещенные и обеспеченные дворяне были разборчивы при выборе наставников, которые должны были прививать их детям «благородные, справедливые чувства» и внушать им любовь к наукам и искусствам. За ними тянулись помещики победнее. Князь И. М. Долгоруков вспоминал о гувернантке своих детей *madame Guerber*: «Приятная ее наружность, ловкая поступь, хорошие навыки большого света приобрели ей выгодную рекомендацию от людей, мне хорошо известных, и я, не зная ее походов, принял ее к себе в дом во Владимире в первых годах моего супружества со второй женою. Меньшие мои две дочери попали на ее руки.

По счастью, она недолго жила у нас и скоро обнаружила свои свойства. Пасынки мои и сыновья приходили уже в возраст. Мадам расположилась их пленить по очереди: сперва влюбила в себя старшего моего пасынка, потом сына, Александра. Молодые люди начали ссориться, ревновать друг к другу; мы заметили их расстройку, и я стал приглядывать поближе и, перехватив записки мадамы, увидел из них ясно, что она слюбилась с моим сыном. Не было еще году, как она жила у нас в доме. Я тотчас ее отпустил и нигде после того с ней не встречался. Скоро открылись ее затеи, и она не успела быть вредна моим дочерям, которых охраняли от зла Бог сирот, отец и юность их возраста. Но сколько раздоров и несогласий мы могли возродить в нашем семействе от интриг и коварства нечестивой женщины!» [10. С. 134]. Качество образования в дворянских семьях и уровень профессиональной компетенции домашних педагогов вызывали у верховной власти серьезную озабоченность [22. С. 91; 17. С. 12–13; 21. С. 51]. Еще в 1757 г. был издан указ, который гласил: «Повелено учителей из иностранцев без свидетельства и аттестатов о знаниях никому в домах своих не держать <...> под опасением неукоснительного штрафа за каждого по 100 руб., а тех учителей, кои без аттестатов школ имеют, будут высланы за границу». Однако широкого применения этот указ в провинции на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в. не получил [3. Ф. 84. Оп. 1. Д. 135. Л. 1].

Выбор предметов, которые преподавались дворянским детям, как правило, зависел от благосостояния и культурного уровня родителей, а также от наличия педагогов. В числе общеобразовательных предметов преподавались древние и новые языки: латынь, реже греческий, французский как язык дворянского сословия, а также, если была возможность, немецкий и исключительно редко английский или итальянский, всеобщая и русская история, география, физика, астрономия, арифметика и геометрия, русская словесность, рисование и музыка. Наряду с общеобразовательными предметами во второй половине XVIII — начале XIX в. обязательной частью домашнего воспитания мальчиков было обучение военным наукам, т. е. фортификации, артиллерии и даже военной экзерциции, поскольку при определении в военную службу дворянским недорослям предстояло сдать специальный экзамен. Он включал проверку знания французского, немецкого и русского языка, «из алгебры уравнение 1-й степени, из геометрии и фортификации по системе Вобана» [19. С. 66]. Обучали военным наукам, как правило, иностранные специалисты, например учителем детей князя С. Ф. Голицына был «искусный инженерный офицер», француз Г. Керлеро [6. С. 43]. Значительно реже среди учебных дисциплин встречаются политэкономия, статистика, право (естественное, международное, публичное) и логика. Практиковалось в дворянских семьях знакомство с основами архитектуры [3. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6734; 14. С. 58–255]. Изучение архитектуры носило ярко выраженный прикладной характер, поскольку помещикам, особенно провинциалам, приходилось постоянно заниматься строительными работами в усадьбе, нередко в отсутствие

архитектора. Они должны были уметь начертить план и фасад постройки, составить смету и осуществлять контроль за строительными работами [1. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 141–143; Оп. 7. Д. 113, 131, 170, 179, 198, 314, 426, 457, 763, 793, 826; 11. С. 63].

Занятия обычно строились как объяснение учителем материала, который дети затем должны были заучивать. Часто уроки проходили в виде беседы учителя и ученика, причем от ребенка требовали собственных суждений, умозаключений и доказательств. Ученики выполняли устные и письменные упражнения, читали и разбирали классические произведения, например при изучении французского языка — «Сида» П. Корнеля и «Андромаху» Ж. Расина, «Тартюфа» Мольера, «Генриаду» Вольтера, при изучении английского — «Макбета» и «Гамлета» У. Шекспира, при изучении немецкого — произведения И. Гете и И. Шиллера. В круг учебного чтения также входили труды Плутарха, Тацита, Тита Ливия, Горация и других античных классиков. Широко использовались различные учебники — иностранные, переводные и отечественные. О характерных учебных пособиях и книгах можно судить по описи детского отделения усадебной библиотеки князей Голицыных из села Сима Владимирской губернии [3. Ф. Р-2716. Оп. 1. Д. 87. Л. 139 об — 143 об.] (см. приложение 1). В начале XIX в. учебники стали выпускать провинциальные типографии, например «Домашнюю арифметику» А. Ливанского (Владимир, 1801 г.). Читали дети и произведения художественной литературы развлекательного характера: «Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Дон Кихота» М. Сервантеса, русскую поэзию — М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова.

Под руководством педагога дети изучали различные приборы и карты и совершали экскурсии на природу, наблюдали за растениями, которые сами сажали и растили. В. Н. Головина вспоминала, что вокруг господского дома «рос громадный красивый лес, окаймлявший равнину и спускавшийся, постепенно редая, к слиянию Истры и Москвы. В месте слияния этих двух рек отражались золотые лучи заходящего солнца; вид был чудесный. Я усаживалась на ступеньки галереи и с восторгом любовалась этим прекрасным пейзажем. Взволнованная, растроганная, я приходила в особое молитвенное настроение, убегала в нашу старинную готическую церковь» [12. С. 92]. У каждого ребенка были свои излюбленные места игр и забав в усадебном парке. Например, в усадьбе Орехово Владимирской губернии холм у пруда был старинным местом ребячьих игр в войну, и в период Крымской войны он получил название Малахов курган. О подобных развлечениях М. А. Дмитриев вспоминал: «Главная забава моя была играть в солдаты. Ко мне собирались дворовые мальчишки; я вооружал их деревянными ружьями и учил их экзерции, которой выучился у дяди Сергея Ивановича. У меня были и знамя, и барабан. Когда приезжали к нам дети Карамзины и Философовы, они тотчас просили меня собрать войско. Я собирал и предлагал им начальство; но всякому хотелось быть барабанщиком. Еще я любил

стрелять в цель из лука. Стрела у меня была настоящая. Но однажды я попал сзади в горничную, шедшую по двору; к счастью, она была в шубе, и стрела не проникла далее. Однако у меня ее отняли и забросили на печку. Долго ходил я около нее, глядя на недостижимую высоту; но стрела так и пропала» [9. С. 44].

Огромное внимание при воспитании дворянина обращалось на физическую подготовку. Мальчиков обучали гимнастике, фехтованию, верховой езде, плаванию, танцам и охоте. Широко практиковались длительные прогулки на свежем воздухе при любой погоде, а также подвижные игры, развивавшие у ребенка быстроту, ловкость, силу и выносливость. В своих мемуарах Ф. Ф. Вигель пишет, что отец князей Голицыных «заботился о физическом образовании детей: ему желалось их всех видеть молодцами <...> Молодые князья были искусны во всех гимнастических упражнениях: они быстро бегали, высоко лазили, славно катались на коньках, мастерски перепрыгивали через рвы; смотря по возрасту, у каждого из них были разных величин свайки, и они тешились ими между собою или дворовыми людьми; зимою и летом каждое утро обливали их холодной водою» [6. С. 40–41]. В свою очередь, А. Е. Лабзина вспоминала, как ее в детстве мать «держала на воздухе, не глядя ни на какую погоду; шубы зимой у меня не было; на ногах, кроме нитяных чулок и башмаков, ничего не имела, в самые жестокие морозы посылала гулять пешком, а тепло мое все было в байковом капоте <...> летом будили меня тогда, когда чуть начинает показываться солнце, и водили купать на реку <...> мать давала нам довольно времени для игры летом и приучала нас к беганью» [12. С. 17].

Домашнее воспитание девочек вообще мало отличалось от воспитания мальчиков. Из рук няни девочки поступали под надзор иностранной гувернантки, которой, так же как и гувернеру у мальчиков, родители практически передавали «свои родительские обязанности и власть». А. П. Керн вспоминала, что ее гувернантка м-лле Бенуа «умела приохотить нас к учению разнообразием занятий, терпеливым и ясным без возвышения голоса толкованием, кротким и ровным обращением и безукоризненною справедливостью, что мы не тяготились занятиями, продолжавшимися целый день, за исключением часов прогулок, часов завтрака, обеда, часа ужина. Воскресение было свободно, но других праздников не было. Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде вязания и шитья подле м-лле Бенуа, потому что любили, уважали ее и благоговели перед ее властью над нами, исключавшею всякую другую власть <...> Она заботилась о нашем туалете, отрастила нам локоны, сделала коричневые бархотки на головы» [13. С. 121]. Чаще всего гувернантка была француженкой, реже — немкой или англичанкой [21. С. 101; 16. С. 89–91]. В целом обучение девушек было, как правило, более поверхностным, чем обучение юношей. Оно ограничивалось знанием одного-двух языков, обычно французского и немецкого; владение английским языком уже свидетельствовало о более высоком, чем средний, уровне образованности

девушки. Кроме того, девочкам преподавали общеобразовательные дисциплины, танцы и игру на каком-либо музыкальном инструменте, пение и рисование, а также различные рукоделия. Главное внимание в воспитании девочек, как, впрочем, и мальчиков, уделялось усвоению хороших манер и светского этикета.

Большую роль в воспитании детей в дворянских семьях играл сам стиль усадебной жизни, круг общения. В. Н. Головина вспоминала, как любила она своего дядю И. И. Шувалова и каким удовольствием для нее было слушать его рассказы о путешествиях по Европе. Дочь поэта В. В. Капниста — С. В. Скалон с большой теплотой пишет о том, как ее отец «любил гулять в саду, водил нас по темным аллеям и собирал вместе с нами по дорожкам лежавших в зелени светлых червячков, которых, принеся домой, мы клали на террасу и на другой день тешились их светом» [20. С. 471].

Во второй половине XVIII — начале XIX в. получили значительное развитие государственные и частные учебные заведения, однако наиболее распространенным в дворянском социуме оставалось домашнее образование и воспитание. Во Владимирской губернии, где на рубеже веков проживало более тысячи дворянских семей, в главном народном училище обучались лишь 22 мальчика (1789–1790 гг.), а в гимназии — от 7 до 13 мальчиков (1804–1817 гг.); причем это были в основном дети дворян, получивших достоинство благородного сословия за выслугу [3. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1533. Л. 20–22]. Главная причина такого отношения дворянства к государственному образованию кроется в том, что оно не гарантировало детям обучение в сословно замкнутой среде. Например, в малых народных училищах Рязанской губернии в конце XVIII в. обучались: дети дворян — 10,66%, дети духовенства — 5,67%, дети горожан — 47,85%, дети сельских обывателей — 22,68% и дети солдат — 13,15% [2. Ф. 730. Оп. 2. Д. 693. Л. 76–134]. А воспитание детей в закрытых учебных заведениях стоило дорого — в благородном пансионе г. Владимира годовая плата за обучение и содержание составляла 240 рублей — и было малодоступным основной массе дворян. Интересно отметить, что как в столицах, так и в провинции возможности домашнего воспитания удавалось существенно расширить за счет родственников или соседей. Ф. Ф. Вигель вспоминал: «Их родители у моих выпрашивали как милости дозволения детям своим со мной учиться. Их было трое: сыновья артиллерийского генерал-майора Нилуса, гарнизонного майора Яхонтова и штаб-лекаря Яновского» [6. С. 15]. Особое значение такая традиция приобретала в провинции, где проживало много обедневших помещиков. Так, «один из ревностнейших последователей и содействователей Новикова» С. Ю. Храповицкий в Смоленской губернии «упросил бедных соседей поручить ему воспитание детей своих, для которых завел домашнее училище <...> выписал русского наставника, знавшего французский и немецкий языки; учитель рисования ездил к нему из Смоленска по два раза в неделю, а сам он преподавал воспитанникам арифметику и начальные основания геометрии и называл это занятие лучшим временем своего дня. По образу

кадет он одел их всех в одинаковое платье на свой счет» [7. С. 22]. Оценивая практику домашнего образования русского дворянства, можно сослаться на мнение известного французского мемуариста Шарля Массона, проведенного ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, который писал: «Законченное домашнее воспитание часто дает молодым людям более широкие и систематические познания, чем немецкие университеты своим питомцам; к тому же русские всегда умеют блеснуть своими познаниями» [18. С. 148].

Приложение 1
Опись детского отделения
усадебной библиотеки
князей Голицыных
из села Сима
Владимирской губернии

Аполлос «Христианский календарь на лето от рождества Христова 1784, а от сотворения мира 7292, которое есть високосное и содержит в себе 366 дней» (М., 1784); Вицман А. «Сокращение главнейших должностей, кои каждый христианин обязан исполнять в тонкости по своему званию и состоянию» (СПб., 1799); «Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона, переложенная с французского языка на российский» (СПб., 1782); Вильдбрехт А. М. «Российский атлас, из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий» (СПб., 1800); «Российская грамматика Михаила Ломоносова» (СПб., 1755); «Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей» (СПб., 1783); Шмальц М. В. «Историческая игра для детей, или Новый и самый легчайший способ под видом забавы обучать детей истории. Перевел с немецкого на российский язык Михайло Брежковский. Игра первая» (М., 1795); «Образование древних народов, сочиненное Дандреем Бардоном. Содержащее: обычаи духовные, гражданские, домашние и воинские греков, римлян, израильтян, персов, скифов, амазонок, парфов, даков, сармат и других народов, как восточных, так и западных и проч., переведенное с французского языка и изданное при Географическом Кабинете ея имп. Величества. Ч. 1–4.» (СПб., 1795–1796); Головин М. Е. «Краткое руководство по гражданской архитектуре или зодчеству, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей Екатерины Второй. Ч. 1–2» (СПб., 1789); Аничков Д. С. «Начальные основания фортификации, или военной архитектуры, служащие в пользу и употребление русского юношества, упражняющегося в математических науках, собранные из разных авторов с приобщением гравированных фигур на семнадцати досках» (М., 1787); «Полная наука военного управления, или фортификация, содержащая в себе начальные основания с приобщением двадцати трех расположений укрепления тринадцати знатнейших европейских инженеров, в пользу и употребление юношества и упражняющихся, сочиненная артиллерии штык-юнкером и партикулярным в Москве благородного юношества математики учителем Ефимом Войтяховским» (М., 1790); «Танцевальный учитель, заключающий в себе правила и основания сего искусства к пользе обоего пола со многими гравированными фигурами и частью музыки. Выбраны из славнейших о сем искусстве писателей и собственными примечаниями дополнены Имп. Шляхетного

сухопутного кадетского корпуса и Имп. Академии художеств учителем И. К.» (Спб., 1794); Альбрехт А. «Правила о перспективе, изданные в пользу любителей художеств, скульпторов, живописцев, архитекторов и прочих. Кн. 1–2» (Спб., 1791); Гейм И. А. «Руководство к коммерческой науке в пользу вышних классов гимназий, состоящих в округе Императорского Московского университета» (М., 1804).

Литература

1. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 141–143; Оп. 7. Д. 113, 131, 170, 179, 198, 314, 426, 457, 763, 793, 826.
2. РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 693.
3. ГАВО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1533; Ф. 84. Оп. 1. Д. 135; Ф. 417. Оп. 4. Д. 6734; Ф. 1179. Оп. 1. Д. 11; Ф. Р-2716. Оп. 1. Д. 87.
4. Алексеев В. Н. Традиции семейного воспитания Воронцовых / Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронцовского общества. Владимир, 2006. Вып. 10. С. 5–19.
5. Болотов А. Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью. М., 1784.
6. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000.
7. Глинка С. Н. Записки. М., 2004.
8. Головин М. Е. Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству. Спб., 1789. Ч. II.
9. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
10. Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Ковров, 1997.
11. Записки графа М. Д. Бутурлина. М., 2006. Т. 1.
12. История жизни благородной женщины. М., 1996.
13. Керн А. П. Воспоминания. Дневник. Переписка. М., 1989.
14. Козлов С. А. Русская провинция Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». Спб., 2006.
15. Кошелева О. Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI—XVIII вв.): учеб. пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000.
16. Кошелева О. Е. У истоков женского образования в России // Педагогика. 1993. № 2. С. 88–91.
17. Любжин А. И. Домашнее воспитание в конце XVIII — начале XIX в. в России // Лицейское и гимназическое образование. 1998. № 1. С. 11–17.
18. Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996.
19. Муромцев М. М. Воспоминание Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1880. Кн. 1. (1).
20. Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988.
21. Солодянкина О. Ю. Иностранки гувернантки в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX века). М., 2007.
22. Студеникин М. Т. Внегосударственные формы обучения в самодержавной России // Педагогика. 1994. № 4. С. 90–93.
23. Толстой М. В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 1. (2).
24. Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997.